

Служанка выглядела так, будто смертельно боялась этого капризного хозяина.

Лу Чэньби продолжал смотреть в окно, лишь мельком взглянув на неё.

— Не твоя вина. Оставь здесь.

Служанка поклонилась, поставила вещь и бесшумно удалилась.

Лу Чэньби долго смотрел на длинный меч, затем, опираясь на стол, поднялся и медленно подошёл к нему. Медленно вытащил клинок из ножен и описал в воздухе лёгкую дугу.

— Не сказать, что вещь выдающаяся, взять бы его себе — невелика потеря... — пробормотал он.

В комнате снова воцарилась тишина, и лишь спустя время он добавил:

— Упрямый дурак.

Пламя свечи на столе дёрнулось, словно отвечая ему, но тут же успокоилось.

Се Сун надел кожаную маску, взвалил на плечо «Длинный вой» и вышел к воротам. Там его уже ждал Тень Три с вороной лошадью. Тот подошёл, сунул поводья ему в руку, затем вытащил из-за пазухи кошелёк и швырнул его Се Сун.

Не дав тому возможности отказаться, Тень Три сказал:

— Хозяин велел. Это твоя плата за службу стражником. Половину — сейчас, вторую — когда вернёшься.

Се Сун сжал кошелёк в руке, помолчал, затем убрал его за пазуху.

— Я вернусь.

Неизвестно, говорил ли он это Тень Три или самому себе.

Он вскочил в седло, кивнул на прощание Тень Три, пришпорил коня и помчался по дороге к Усадьбе Золотого Изящества. В ушах свистел ночной ветер, а кошелёк у груди, словно ручная жаровня в тот день, постепенно согревался.

Се Сун вдруг поймал себя на мысли, что хотел бы, чтобы эти одинокие дни, полные погони за мстостью, поскорее закончились. Может, успеет вернуться в Усадьбу Мечного Сияния до первого снега, чтобы услышать очередную нотацию от Лу Чэньби и выпить чашку свежего осеннего чая.

Стук копыт разносился в ночи. Пока слуга в гостинице ещё не спал, Се Сун наконец добрался до места. Коня, запыхавшегося после долгого бега, слуга увёл в конюшню.

Свободной оставалась только одна комната наверху, и Се Сун занял её. Слуга, который вёл его по лестнице, сказал:

— В соседней Усадьбе Золотого Изящества кто-то умер, вот иные бойцы, трусливые, жить там не хотят, все ищут себе пристанище. Не в обиду будь сказано, господин, опоздай вы чуть — и комнаты бы не было.

Се Сун заметил, что слуга, хоть и молод, но говорил бойко, видно, рано начал работать. Он

достал из-за пояса небольшой обломок серебра и протянул ему.

— Спасибо, господин! — глаза паренька блеснули. Он провёл Се Сун в комнату, усердно обтёр пыль и спросил, не нужно ли горячей воды.

Се Сун подумал и ответил:

— Буду признателен.

Слуга обрадовался и побежал готовить воду.

Когда Се Сун умылся, слуга убрал воду и сказал:

— Господин, у нас тут бойцов много, народ грубый, голоса громкие. Коли утром побеспокоят — не обессудьте.

— Понял. Ступай, отдыхай, — кивнул Се Сун.

Когда слуга ушёл, он задул лампу и лёг на кровать. Несколько раз начинал дремать, но в окно доносился стук ночного сторожа.

Се Сун открыл глаза и прислушался. Было уже четыре часа утра.

Он резко перевернулся, встал, побрызгал на лицо водой из медного таза. Окончательно придя в себя, взвалил на спину «Длинный вой», осторожно приподнял оконную раму, ступил на черепицу снаружи и одним прыжком спустился на землю.

Комната Се Сун была на втором этаже, так что большого шума он не наделал. Вдалеке ещё слышался стук ночного сторожа. Се Сун достал из-за пазухи чёрный платок и прикрыл им нижнюю часть лица. Затем, ступая легко и бесшумно, помчался в сторону Усадьбы Золотого Изящества.

Этот пригородный посёлок и без-то был малолюдным. Если бы не Собрание боевых искусств, Се Сун вряд ли бы о нём узнал. Шёл впотьмах, пока не достиг усадьбы.

В тот день, когда Школу Небесного Меча вырезали, учитель, опасаясь, что нападавшие могли оставить засаду, велел ему бежать. Сам Се Сун тогда был в смятении, послушался, сломал мечи своих младших братьев и сестёр по школе и поджёг дотла место, где вырос.

Теперь, оглядываясь назад, он понимал: тогда было слишком много странностей, которые он не расследовал. Се Сун пришёл сюда, чтобы осмотреть тело патриарха Тао. По тому дню было ясно: Тао Тин действовал не по своей воле, впал в ярость — то ли под действием снадобья, то ли по иной причине. Но кто-то стоял за этим.

Всё точь-в-точь как с его товарищами. Но их тела уже обратились в прах и легли в землю — расследовать нечего. Осталась лишь эта ниточка.

Хотя и нельзя было быть уверенным, что она что-то даст, для Се Сун это была пока единственная зацепка, и он должен был ухватиться за неё.

Усадьба Золотого Изящества была повсюду увешана белым шёлком, даже яркие свечи, горевшие здесь несколько дней назад, теперь светили тускло. Это, однако, облегчало Се Сун задачу. Он двигался в тених, петляя по усадьбе.

Времени было в обрез. Нужно было быстро найти, где стоит тело Тао Тин, и успеть вернуться в гостиницу до рассвета. Сердце Се Сун сжималось. Он лишь надеялся, что тело ещё не уложили в гроб. Если гроб уже заколочен — всё станет куда сложнее.

Он пробирался к центру усадьбы и, миновав ещё одни ворота, наконец достиг цели.

Однако первый же взгляд упал на чёрный гроб, и сердце ёкнуло. Рядом на коленях стоял человек. Се Сун нахмурился, осторожнее затаился в укрытии. Вглядевшись, он узнал Тао Фэйгуана.

Тот стоял на коленях на мягкой подушке перед гробом, тело его слегка покачивалось, словно он вот-вот рухнет без чувств. Се Сун, увидев его в белых траурных одеждах, ещё более иссохшего и измождённого, не мог сдержать внутренний вздох.

Вдруг послышались шаги. Се Сун затаился ещё лучше и увидел, как в дверь вошёл ученик, обычно сопровождавший Фэн Чжэнъяна. В одной руке у него был фонарь, в другой — лакированный ящичек для еды.

Фэн Лянь поставил фонарь у входа и с ящичком в руке вошёл внутрь. Сперва он опустился на колени на подушку и поклонился гробу, затем обратился к стоявшему на коленях Тао Фэйгуану:

— Литин, ты уже два дня ничего не ел. Хоть немного перекуси.

Тао Фэйгуан покачал головой. Глаза его, слишком долго смотревшие на пламя свечей, закрылись, и по щекам скатились две слезы. Фэн Лянь вздохнул, достал платок и вытер их:

— Ну скажи на милость, зачем ты всех слуг разогнал, а сам тут надрываешься? Отец твой, увидев тебя таким, что подумает? Как ему успокоиться?

Тао Фэйгуан слабо усмехнулся:

— Цзинъянь, я знаю, ты добро мне желаешь...

Они поговорили ещё немного, и Фэн Лянь, уговаривая и убеждая, да ещё и Тао Фэйгуан, чувствуя, что силы на исходе, наконец позволил тому помочь себе подняться и отвести немного отдохнуть.

Се Сун дождался, пока они удалятся, убедился, что больше никого нет, выбрался из тени во дворе и приблизился к трём гробам.

Два гроба подлиннее выглядели одинаково. Третий, поменьше, явно принадлежал второму молодому господину Тао.

Се Сун полагал, что гробы уже заколочены, и сердце его сжалось от дурного предчувствия. Но, подойдя ближе, он с удивлением заметил, что крышка, кажется, ещё не закрыта. Обрадовавшись, он осторожно отодвинул её.

Отодвинув, заглянул внутрь — и обнаружил, что гроб совершенно пуст.

В помещении, где стояли гробы, горели лишь две свечи, да ночной ветерок колыхал развешанные белые шёлковые полотнища. Се Сун, уставившись в пустой гроб, почувствовал, как холодный пот проступает у него на спине.

В ушах громко стучало собственное сердце, слышалось собственное дыхание. Он осторожно вернул крышку на место и лишь тогда осознал, что ладони у него мокрые от пота.

Хотя страх и отвращение сковали всё тело, и всё внутри кричало, чтобы он развернулся и бежал, Се Сун перевёл взгляд на другой гроб и, пересилив себя, бесшумно подошёл к нему.

Этот гроб также не был заколочен. Се Сун мысленно прочитал несколько успокаивающих фраз, собрался с духом и осторожно приоткрыл его.

На этот раз его ожидания оправдались: в гробу лежало тело Тао Тин. Хотя его уже обрядили, и он не выглядел так, как сразу после смерти — весь в крови, — прошло уже два дня. Мертвенно-бледное лицо в свете свечей казалось особенно зловещим.

<http://bllate.org/book/15939/1424881>